

Знаменательное событие

По-настоящему встретили Москва товарищей Н. А. Булганина и Н. С. Хрущева, возвратившихся на Родину после исторической поездки в Индию, Бирму и Афганистан. В этой встрече, в которой приняли участие сотни тысяч жителей столицы, нашли свое выражение радость и гордость советских людей по поводу нового триумфа советской политики мира и сотрудничества между народами.

Надолго сохранится в сердцах людей благодарная память о близящемся к концу 1955 года. Этот год принес народам новую уверенность в возможности мирного сосуществования государств с различными социальными системами, укрепил их веру в торжество сил мира над силами войны.

Вслед за радостными весенними вестями о Бандунгской конференции стран Азии и Африки, о заключении Австрийского Государственного Договора пришли волнующие известия об успехе Женевского совещания Глав правительств четырех держав. И вот ныне весь мир прошел исторические заявления, под которыми стоят подписи руководителей Советского Союза, Индии, Бирмы и Афганистана. Международный климат явно изменился, потеплел. Пускай теперь свирепствуют зимние метели, для миллионов людей суровый декабрь 1955 года согрет горячим солнцем крепнейшей дружбы между народами.

В дни пребывания советских руководителей в Индии, Бирме и Афганистане каждый советский человек ежедневно с волнением открывал газетный лист, чтобы узнать, где побывали, что видели посланцы советского народа, какие новые успехи достигнуты в сближении между нашей страной и азиатскими странами. В небывалом по своему разданию приеме, оказанном советским руководителям народами Индии, Бирмы и Афганистана, трудящиеся нашей страны видели дань уважения, любви и дружбы ко всему великому советскому народу. В свою очередь индийцы, бирманцы и афганцы, встречаясь с советскими руководителями, слушая их выступления на массовых митингах, чувствовали крепкое рукопожатие друзей, слышали голос двухсотмиллионного советского народа.

Издавна капиталистический Запад противостоял колониальному, закрепощенному Востоку, и трубадуры колониальной политики, считая эти порядки вечными, повторяли слова английского поэта Бишопита: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и никогда они не сойдутся». Но эти слова сегодня теряют свой прежний смысл.

В наше время всякий, кто не слеп, видит, что народы Запада и пробудившейся Азии складываются, ибо они убедились, что это сближение отвечает их национальным интересам, интересам всего мира. Они сходятся на платформе пяти принципов мирного сосуществования, признанных ныне большинством стран, — принципов взаимного уважения территориальной целостности и суверенитета; ненападения; невмешательства во внутренние дела друг друга; равенства и взаимной выгоды; мирного сосуществования. Они сходятся ради устранения угрозы войны, ради укрепления всеобщего мира. Они сходятся на благо человеческого прогресса.

Именно этот факт, факт близости народов, вызывает лютую злобу тех, кто хотел бы сохранить доброй ценой колониальную систему, навязать народам агрессивные блоки, тонку вооружений, «холодную войну».

Но потому ли в эти дни реакционная пропаганда буквально надрыгается от крика, пытаясь залугать общественность Азии измышлениями о «коварных замыслах» Москвы. Единственное, чего могут добиться скудоумные клеветники, — это стать всеобщим посмешищем. Выступая в Индии на завтраке, устроенном губернатором штата Пенджаб С. П. Н. Сингхом в честь советских гостей, Н. С. Хрущев, обращаясь к присутствующим, сказал: «Что касается некоторых писаний и радиопередач, авторы которых пытаются поспорить нас с вами, то они нас не волнуют. Они говорят, пишут, выступают по радио, но все это в одно ухо влетает, а в другое вылетает. Люди теперь привыкли судить по делам, а не по словам».

С большим удовлетворением восприняла советская и мировая общественность выраженные руководители Советского Союза, Индии, Бирмы и Афганистана решимость продолжать совместную борьбу за дальнейшее ослабление международной напряженности, за разрешение таких насущных международных проблем, как проблема разоружения, запрещения атомного и водородного оружия. В документах, подписанных в Дели, Рангуне и Бабуле, сформулирована точка зрения руководителей четырех стран и по ряду других важнейших вопросов современной международной жизни.

Это было полвека назад. В едином революционном порыве со своими русскими братьями пролетариат Финляндии поднялся против царизма. В январе 1905 года рабочие Хельсинки, узнав о кровавых событиях в Петербурге, провели две революционные демонстрации. 30 октября 1905 года для поддержки революции в России финские рабочие объявили всеобщую забастовку, которая была успешно проведена по всей Финляндии. В течение недели первая финская Красная гвардия удерживала всю власть в Хельсинки. Тампере и в других пунктах страны. Мощный революционный

Теперь уже всякому ясно, что ни одна из важных проблем, от которых зависит безопасность и процветание всего человечества, не может решаться без участия Китайской Народной Республики и Индии. Не случайно поэтому государственные деятели СССР, Индии, Бирмы и Афганистана единодушно заявили о необходимости покончить с позорным положением, при котором место великого Китая в Организации Объединенных Наций занимает чанкайшистское чучело. Они выразили надежду на то, что и другие нерешенные проблемы Дальнего Востока будут незамедлительно решены мирными методами. Переговоры — единственное средство решения спорных вопросов, такова главная мысль, проходящая красной нитью через все документы и заявления, опубликованные в связи с исторической поездкой Н. А. Булганина и Н. С. Хрущева.

Народы Азии и всего мира знают, с какими глубоким сочувствием относятся советские люди к стремлению еще недавно замкнутых народов избавиться от последствий долгой колониальной кабалы, распрямить плечи, твердо стать на собственные ноги, создать свою независимую национальную экономику, возродить и развить свою национальную культуру.

Природа щедро наделила страны Азии всем необходимым для процветания. Эти страны богаты разнообразными полезными ископаемыми, источниками водной энергии, плодородными землями. Однако в результате хозяйничанья чужеземных поработителей такая страна, как Индия, эта богатейшая «страна чудес», стаяла себе в прошлом печальную славу страны хронического голода и нищеты.

«Наступит день, когда волею судьбы англичане будут вынуждены отказаться от своей индийской колонии. Но какую Индию оставит они после себя, какую вопиющую нищету! Когда поток веков господства Англии наконец высохнет, сколько грязи и тины останется в его русле!» — с болью и гневом писал в своем завещании великий индийский писатель-патриот Рабиндранат Тагор.

Со времени освобождения Индии от колониальных оков прошло немногим более восьми лет. Но за это время раскованная энергия трудолюбивого и талантливого индийского народа во многом изменила лицо страны. Индия очищается от наследия двух веков иностранного порабощения, создает свою национальную экономику. Небольшой успех достигла в развитии своего хозяйства Бирма, а также Афганистан.

Трудящиеся Советского Союза горячо одобряют соглашения относительно широкого экономического сотрудничества Советского Союза с Индией, Бирмой и Афганистаном. Советский Союз уже оказывает и будет оказывать вперед бескорыстную помощь в развитии экономики этих стран. Эта помощь, как небо от земли, далека от пресловутой «помощи» империалистических держав, которая на деле оказывается для получающих ее народов петлей на шею, лишавшей их политической и экономической самостоятельности.

«В отличие от империалистических держав», — пишет в «Литературную газету» индийский журналист Никита Чакраварти, — Советский Союз отнюдь не собирается под видом торговли заваливать нас бросовыми товарами, совершенно ненужными для укрепления нашей экономики; СССР предлагает нам сталь, оборудование для нефтяной и горной промышленности, то есть то, что остро необходимо для нашего индустриального развития. В свою очередь Советский Союз намерен покупать у нас сырье и промышленные изделия, созданные таким образом новые рынки для тех товаров, которые мы так долго вынуждены были сбывать империалистам, диктовавшим нам свои условия».

Нашему народу чуждо чувство высокомерия по отношению к другим народам, какого бы цвета ни была их кожа. Советские люди питают глубокий интерес к богатейшей древней культуре народов Азии, много веков назад создавших непревзойденные памятники духовной и материальной культуры. Советский Союз, заявил Н. А. Булганин перед отъездом из Дели, «был бы рад замостить опыт индийского народа, накопленный им в различных отраслях экономики, науки и культуры».

В письмах наших читателей выражается глубокое удовлетворение плодотворными результатами поездки Н. А. Булганина и Н. С. Хрущева, высказываются предложения о путях дальнейшего укрепления и расширения этих дружественных связей.

Дружба нашего народа с народами Индии, Бирмы и Афганистана пустила глубокие, прочные корни. Пусть же растет оно и крепнет, пусть превратится в высокое и могучее дерево! Плодами его будут пользоваться сотни миллионов людей.

Подъем переживал рабочий класс Финляндии зимой 1905—1906 года. И вот теперь, пятьдесят лет спустя, в нашу страну по приглашению Музея революции СССР из Финляндии прибыла группа участников революции 1905 года. Сердечной и трогательной была встреча в Москве славных ветеранов первой русской революции.

На снимке: встреча участников революции 1905 года. Слева направо: Ю. Туоминен, А. Ранга, Г. И. Петровский, А. Васам, В. А. Радус-Зенькович и В. Ваалауори. Фото А. Лапина

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 153 (3498)

Суббота, 24 декабря 1955 г.

Цена 40 коп.

ДЕКАДА ЛАТЫШСКОГО ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРЫ

Латышские поэты и русские поэты ведут братскую, дружескую переписку с давних времен. Одна и та же борьба против царизма, сил реакции и всяческого мракобесия, против угнетения человеческой личности, за свободу, за победу революции объединяла их еще в те годы, когда великий Ян Райнис писал «Зданию грядущего»:

Одно постигли мы средь испытаний: Что мощь великая таится в нас, Что в пламени и дыме — остои зданья Грядущего возводим мы сейчас.

Возвращением зданья Грядущего занимались русские поэты во всем многообразии своих талантов. Если взять более близкие времена, то в период первой мировой войны мне пришлось встречаться с молодыми латышскими поэтами, правда, такими же неизвестными, как и я тогда, потому что стихи, которые мы писали, нельзя было по цензурным условиям печатать в газетах и журналах, переполненных ура-патристическими сочинениями. Мой конь шагал ровным, знакомым шагом через леса, поля и холмы, маленькие городки, утонувшие в уютных рошах, и мызы, затерянные среди лесов. Это была земля Латвии, и все, что я видел, все мои боевые ощущения и все, чем наполняла меня окружающая страна, — все свои впечатления и переживания я записывал в походную тетрадь, которую назвал «Жизнь под звездами».

Латвия учила меня восприимчивой новой природы, новых людей братского народа, и я с благодарностью принимал эти чудесные лирические дары. Я ощущал, как дыхание эпохи обжигает мой щек. Мне было тогда двадцать лет. Яну Судрабалу было тогда двадцать два года. Он был рядом со мной, в армии, в латышских стрелках, бок о бок с которыми мне приходилось сражаться. Если бы мы встретились, то не было бы ничего удивительного, если два молодых человека стали бы читать друг другу стихи и нашли бы несомненное сходство в отношении к некоторым темам. Судрабала писал стихи о мечтателях:

Мечтатель, поднимайся в бой смелей За исполнение мечты своей!

Я мог бы ему прочесть нечто подобное, потому что мы оба знали, что за мечта влечет нас, соединяет, входит в наши строки. Мы ждали победы революции, торжества человеческого разума, расцвета искусства, новой, замечательной жизни.

Неизвестные молодые поэты стали потом широко известными латышскими поэтами, многие из них прошли свой творческий путь, как Ян Судрабала, верные голосу той настоящей поэзии, которая диктовала, что «нет покоя — лишь вперед стремление до последнего сердцебиения».

Читая историю латышской литературы с окончания первой мировой войны до окончания второй мировой войны, видишь, в каких мучительных условиях жила и развивалась латышская переводная поэзия, сколько она имела героев и мучеников. Поэты прошли все испытания вплоть до тюрьмы, изгнаний, долгих преследований. Им не суждено было увидеть окончательную победу свободного народа.

Когда вы читаете стихи латышских поэтов, полные веры в человека, гордости за непоколебимый борец за свободу, презрения к угнетателям, стихи о людях железной воли, высокого мужества и бесстрашия, вы понимаете, что написано Райнисом: «Борись за жизнь! Стремись за солнцем гордо!» — действительно жила в латышской поэзии и вдохновляло многих.

И какая радость охватывает читающего, когда он, следя по стихам, по страницам, горящим гневом и вдохновением, и види, как медленно изут годы пыток и ожидания, вдруг оказывается в победившем светлом мире, где поэт вместе с народом торжествует победу.

Из поколения, родившегося в девятидесятых годах, многие видели страшный мир прошлого, и в стихах этих поэтов мы найдем полное отражение пережитого. Это есть и в поэзии Александра Чака, трагические стихи которого становятся совершенно другими, когда все страшно остается поэзия. Он говорил о преображении жизни, о новой Риге, о Москве, и говорил все это искренне и смело.

Запечатлевая судьбу родного народа, выражая его затененные думы, латышские поэты — реалисты в глубине своего таланта. Их образы крепки и выразительны, отобранные, их интонации всегда естественны, их стремление к краткости и яркости делает их стихи народными. Маяковский произвел на них из них сильнейшее впечатление, что отразилось в их произведении. Там, где нет прямого ему следования, вы можете заметить отражение его законности и красочности, энергичности интонаций, но все это в своем национальном, латышском духе, который очень поэтичен, несмотря на кажущуюся суровость.

И естественность сюжета продиктована самой жизнью. Правдиво описание у Яна Грота встречи с русским воином, оканчивающееся такими строками:

Мы с ним расстались у порога, Я другу счастья пожелал, Дал томик Райниса в дорогу И Пушкину поклон послал...

Райнис и Пушкин — эти имена здесь не звучат искусственно. Они сближают братские народы, являясь символом их глубокой дружбы. Так же как в стихах Андрея Валодаса, строгих и мужественных, в стихах поэта-коммуниста правдивы строки о коммунистах:

В просторак, израненных боем, Шагает их коммунный строй, Они, побеждая и строя, Народы ведут за собой.

Почти двадцать лет жил в Латвии при реакционном режиме поэт Валдис Лукс. Его стихи — это голос всевидящего, беспристрастного свидетеля на суде народов. Недаром его первая книга стихов называлась «Суровость». Он похлебал вдоволь из солдатского котелка. Но у него есть и волшебная кружка поэзии, в которой записались горячие стихи, хорошие, алые и веселые.

Путь от мрачной действительности к тому, что мы видим сегодня, для простого человека, каким вывел Юлий Ванг своего Иста в поэме «Вагор, сапоги и счастье», был не розовый путь. Окунув с головой своего героя в волны реки, он затем бросает его в волны такой борьбы, которую не всякий выдержит. Но если бы поэт сам не выдержал этого испытания, мы не имели бы его книги «Глубокая вспашка». И мы поверили в то, что Поэт нашел и победу и счастье.

Одиночество и грусть, которые живут в первых стихах Арвиды Григулис, не могли подчинить себе его стих совсем, не могли уже потому, что он писал: «Нам затравленный день аплодировать будет». Да, поэт верил и это. Но перед этим затравленным днем надо было пройти тяжелый, долгий путь борьбы с фашизмом, путь войны, чтобы увидеть поля, на которых:

Склонился пшеничный колос, Поют молотилки громою, И кажется — во весь голос Звучит Маяковского слово.

Нет нужды перечислять поэтов Латвии одного за другим. Я упомянул только тех, которых, связанных с поколением, пережившим самые тяжелые времена. Конечно, перечень этих имен можно увеличить. Но

дело не в этом. Латышская поэзия — сильная поэзия. Это поэзия строгого образа, сильной мысли, глубокого чувства, большой приподнятости, богатых форм, точных и выразительных сравнений. Она обладает своеобразием и технически разрабатанным стихом. Она имеет много заслуженно известных поэтов. Но мы знаем, что и самая сильная поэзия постоянно проходит испытание временем и все время ищет все лучшего и более совершенного, нового, своего выражения. Поэтому так привлекает нас появление поэтов, рождающихся уже в условиях, не имеющих ничего общего со вчерашним днем, а тем более с далеким прошлым.

Умная и тонкая Мирдза Кемпе, в связи с творчеством которой Ян Судрабала, ставший классиком латышской поэзии, справедливо сказал о традициях Райниса, написала одно стихотворение как раз об этом чувстве ожидания, когда вдруг среди начинающих пробовать свои силы в стихах блеснет настоящий талант. Она описывает молодых людей, впервые представляющихся на суд поэта свой стих и жаждущих с трепетом ответа:

Мирдза Кемпе просматривает эти строки начинающих:

И если среди неровных строк порою Блеснет яркое слово, свежий стих, Я вздрагиваю — все кругом иное, Великий близится, всем нужный миг.

Я радостью и гордостью полна: Есть новый у тебя певец, страна!

Рождение новых молодых поэтов — залог грядущих успехов всей поэзии. Поэтому мне хочется остановиться на стихах некоторых молодых поэтов. Вот Андрис Веяна, чья первая книга вышла в позапрошлом году.

В стихотворении «В Вильяском бору», стихотворении, крошечном по размеру, всего в шесть строк, есть две такие:

Смола горит на срезах янтарею... Все будет новым: сердце, мир и дом!

Где же это новое? В стихотворении «Мы солнцу срини» он описывает наше солнце:

Рабочий это солнце в цех несет, Оно сверкает в искрах автогена, В глазах студента, славшего зачет, В твоих стихах и думах соковременных.

Сердцами высь бесстрашно устремаясь, Возводим мы высотные строения, Глади — под самым солнцем верхолаз Любимой дарит веточку сирени.

Да, таких подробностей и таких ощущений не мог иметь начинающий поэт старой, буржуазной Латвии. Когда из стихов Влэмис Велшевич встает летчик в Эрмитаже, который приходит любоваться Рембрандтом, мы не можем не согласиться с ее поэтичностью выводом: этот летчик

Не будет напалом с самолета Бросать на людское жилье... И гордость за наших пилотов Наполнила сердце мое.

Завод стал другим, и труд по-иному существует в жизни. И было бы странно читать в старье, недоброе времена строк, подобные этим, в стихотворении «Твой рудк»:

Щеки ладонями теплыми глажу, Твоего дождавшись прихода, Щеки ладонями теплыми глажу — Слышу дымящее заводи.

Линии слова, когда твои руки В гуле машин творят свое дело. Линии слова, когда твои руки Мне о любви говорят несмело.

И в стихах молодого поэта Ояра Вациса в живом то новое, что невозможно было бы еще недавно. А он говорит об этом есте-

Празднично проходят дни декады латышского искусства и литературы. Встречи с рабочими московских предприятий, колхозниками, интеллигенцией и студентами выливаются в яркую демонстрацию дружбы латышского и русского народов, их культур и литературы.

В Большом театре Союза ССР 22 декабря была показана опера Н. Римско-Горского «Сказание о граде Китеже» в постановке коллектива Театра оперы и балета Латвийской ССР. Спектакль шел на русском языке.

На спектакле присутствовали Г. М. Маленков, А. И. Микоян, Н. С. Хрущев, первый секретарь ЦК КП Латвии Я. Э. Калберзин, министр культуры СССР Н. А. Михайлов, министр культуры Латвийской ССР Я. П. Остров.

Смотрю народное искусство республики и встречаю участников художественной самодеятельности Латвии с профессором активом столицы. В Доме культуры состоялось творческое вечера народной артистки Латвийской ССР Л. Барниш и народного артиста Латвийской ССР Яна Осиса.

Каждый день происходят встречи молодежи с латышскими писателями. Больше литературные вечера состоялись на Московском заводе «Красный пролетарий» и в Доме культуры комбината «Трехгорная мануфактура».

Стенно, потому что это новое — достижение человеческого гения, одна из сказочных возможностей необыкновенной эпохи. В стихотворении «Ветер дальних странствий» он пишет:

Мы едем по изведенной планете, Но космос уже дождет заклат — Придет пора, и вышедшие дети В ракете мощной к звездам полетят!

Поэт встречает пионера, который, кончив школу, хочет пойти еще раз дорогой, где ходил семь лет. Пионер в сматенье — окончен путь привычный, за ним новое, ведаемое, что зовут мальчишка:

И странно! Мы заволовались тоже, И мы ведь в жизни свой искали путь. А этот славный паренек, быть может, В простору звезд взлетит когда-нибудь.

Да, взлетит, и в этом не будет необычного. Ил лишь немного больше необычного, чем в корабле, ищущем на атомной энергии.

И когда Ольга Лисовская описывает сердечные мучения художницы, которая не может подобрать верный тон для взгляда комбайнера, то это простая лирическая сценка, такая же обычная, как и та, где радио приносит зомбированного Северного полюса голоса родных.

Если автор говорит: пусть позаранее зомбировки ничего не боится, их не сломат никакие опасности, «тогда, что дороги вы очень все живущим на Большой Земле!» — это правда, как и правда простых людей, комбайнера и художницы, чей след двойной засеребрится на белой от росы почве.

Молодые поэты живут естественным дыханием новых времен. Они глядят в будущее. И вот тут хочется им сказать, что поэты старших поколений, живя в жестоких условиях, в борьбе за свободу своего творческого вдохновения, в борьбе против сил угнетения, нашли свои краски и голоса, чтобы стихи их выдержали испытание временем.

Молодые поэты, по-моему, неплохо йщали. Они берут жизнь в ее поэтичности звучания. Им надо иметь больше смелости, больше мечты, потому что то, что для старших поколений было мечтой, сейчас стало действительностью. Там, где летали волшебные драконы, ныне идут с несмалой скоростью реактивные самолеты. Может быть, завтра уже полетят на луну.

Но стихи никогда не могут уйти из жизни, как устаревшее явление. И они не уйдут. Только они должны гореть новым огнем. Они должны по силе своей образности стать наравне с классическими стихами и в то же время быть непохожими на них, должны иметь свое, неповторимое, — свое, и в то же время необходимое для людей новых времен, когда все дороги ведут в коммунизм.

Поэзия — вса! — всегда в неизменное, — сказал Маяковский, и сам он в свое время начал поиски этого неизменного, нашел его и поставил на служение человечеству, за что мы ему и благодарны. Делать неизменное знаем — это задача каждого молодого поэта.

Латвийская поэзия, богатая и сильная поэзия, даст еще много замечательных поэтов, и мы с удовольствием будем их приветствовать.

Спасибо, дорогие друзья!

Когда-то знаменитый латышский писатель Рудольф Блауман с грустью и надеждой спрашивал: «Поверится ли у нас, латышей, когда-нибудь настолько великий писатель или поэт, чтобы тень его образа простерлась за узкие рубежи родины?». На этот вопрос история ответила утвердительно. Латышская литература, став литературой освобожденного народа, приобрела друзей и читателей по всей огромной Советской стране и за ее пределами.

Особенно живо почувствовали мы это теперь, приехав на вторую по счету декаду латышского искусства и литературы в Москву. Пожалуй, самым ярким и прекрасным впечатлением от декады у нас было именно это ощущение живой и тесной связи с читателем. Приходя в библиотеки, клубы, дворцы культуры, мы убеждались, что наши книги читают, что москвичам, так же как и рижанам, близки и дороги наш Райнис, наш Уитис, наш Лайце. Читатели любят, хорошо знают латышскую литературу, судят о ней со знанием дела. На этих встречах мы слышали немало метких суждений о наших произведениях, об их героях, о композиции, сюжете, языке. Суждения эти, идущие от читательского сердца, заставляли порой призадуматься, еще раз поразмыслить над уже написанным.

В этом отношении характерной была конференция на Колосковском заводе, где один из лучших наших писателей — Вилдис Лукс — встретился со своими читателями. Любознательными были проинтервью выступившие колосковцы, показывая себя строгими и справедливыми критиками. Такие встречи, непосредственное общение с читателями очень много дают художнику, и об этом сказал в своем выступлении перед колосковцами Вилдис Лукс.

Меня и моих товарищей — латышских писателей, приехавших на встречу с читателями во Дворец культуры Автоза-

вода имени Сталина, очень тронула одна маленькая деталь. На столе президиума лежали листовки с рекомендательным списком произведений нашей литературы. Листок был издан любовью: кроме перечня книг, в нем были также краткие сведения о крупнейших писателях Латвии. И еще мы узнали, что книги, упомянутые в листовке, очень трудно заставить на библиотечной полке, хотя их около полутора тысяч экземпляров.

Мы возмем с собой много трогательных и прекрасных воспоминаний о встречах с москвичами. В Колосковском зале Дома союзов собирались самые маленькие наши читатели. Впервые мы познакомились, завязалась беседа. Маленький мальчик бесстрашно спросил меня: «Скажите, вы тоже написали какие-нибудь книги?». Я подал ему книгу и показал несколько своих книжек для детей. Юный москвич поздравил меня своей пионерской значкой. К сожалению, у меня в тот момент не было жетона декады, но я обещал мальчику, что напишу о нашей встрече стихотворение. И я выполнил свое обещание.

Все эти дни были богаты впечатлениями. Большую творческую зарплату дали нам обсуждения произведений наших писателей в Совете писателей СССР. Мы очень благодарны московским писателям и критикам, — они приняли активное участие в этих обсуждениях, внимательно знакомлись с нашими книгами и судили о них с дружеской заинтересованностью и высказывались.

На этих обсуждениях мы выслушали немало интересного и полезного для нас. Не со всем, что говорилось там, мы были согласны, иногда спорили, но эти споры и обсуждения были плодотворными, и мы сделали из них немало ценных выводов.

Особенно много полезного почерпнули из творческих обсуждений наших прозаиков. Два дня шел серьезный и обстоятельный разговор. Говорилось и об идейной содержании, и о композиции, и о языке произведений латышской прозы, и во всем неизменно чувствовалась благожелательность и принципиальность. Я думаю, что и Жан Грина, и Ян Грант, и Арвид Григулис, и Вилдза Верпе внесли из этого обсуждения много полезного для себя, для своей дальнейшей творческой работы. Наряду с большими достоинствами их книг московские товарищи увидели также и их недостатки — оисательство, которая подчас подменяет настоящую писательскую зоркость, недостаточную смелость в решении жизненных проблем, недоработанность композиции, слабости языка.

Почтительным было и обсуждение поэзии. Оно показало, что традиции народной поэзии, традиции Райниса, достижения Судрабалы постоянно развиваются и обогащаются, что растет новая талантливая поэтическая молодежь.

Немало резких слов и горьких истин пришлось выслушать нашим драматургам. Но из обсуждения их произведений, принятых все той же товарищеской принципиальностью, были высказаны мысли, важные для развития всей нашей национальной драматургии. И эта дружеская и нелицеприятная критика, несомненно, будет способствовать исправлению ошибок и недостатков нашей драматургии, послужит толчком к созданию хороших советских пьес о нашей современности, по которым так стосковался зритель.

На этих обсуждениях, несомненно, сделают выводы и писатели и критики Латвии. Московские товарищи показали нам пример хозяйского, бережного отношения к лите-

ратуре, которое несомненно с окриками и навлекаясь на ярлык и в то же время требует строгого отношения к требованию творчества.

Нам нужна именно такая деловая, товарищеская критика. В свою очередь некоторые наши писатели, недостаточно прислушавшиеся к голосу латышской литературной критики, увидели теперь, что она во многом была права.

И, наконец, самый главный положительный результат творческих обсуждений в эти декады — это прозвучавший там во весь голос призыв к дальнейшему совершенствованию мастерства. Мы должны еще серьезнее, вдумчивее, кропотливее работать над своими произведениями, над их художественной формой. Наша литература стоит на верных идейных позициях и всегда будет высоко держать знамя партийности. Но нельзя ни на минуту забывать и о форме, о средствах выражения, о художественном мастерстве. Высокоталантливые произведения, облеченные в высокохудожественную форму, требуют от нас советский читатель.

Уезжая из Москвы, которая всегда была для нас родной и близкой, мы хотим еще раз поблагодарить всех москвичей за теплый и радующий прием, нам оказанный, за дружескую критику наших произведений, картин, спектаклей. Мы благодарны нашему народу, Коммунистической партии Советского Союза и Советскому правительству за неустанную заботу об искусстве и литературе братских союзных республик. Незабываемые встречи, обсуждения принесут огромную пользу развитию нашей культуры. Теплота и дружественность, с которыми нас встретила гостеприимная Москва, налагают на нас большие обязанности: чтобы оправдать любовь и доверие читателей, нам необходимо много и упорно трудиться, совершенствовать мастерство, неустанно повышать свой художественный уровень латышской литературы.

Еще раз спасибо, дорогие друзья! До новых встреч!

Еще Белинский писал: «Как ни старо сравнение воспитателя с садовником, но оно глубоко верно...»

А. ПРОПОПОВА

Молодая мать

Для садовника есть правила, которыми он необходимо руководствуется при возделывании садов. Он соображает не только о индивидуальной природе каждого растения, но и о времени года, о погоде, о качестве почвы... он не делает прививки ни к стеблю, еще несформировавшемуся в ствол, ни к старому дереву, уже готовому засохнуть. Человек имеет свои эпохи возрастания, но сообразается с которыми можно затупить в нем всякое развитие».

Для того чтобы усвоить правила по уходу за растениями, садовник, по крайней мере в наше время, получает специальное образование, то есть учится несколько лет, прежде чем допускается к самостоятельному руководству жизнью растений. К воспитанию человека люди также готовятся в специальных учебных заведениях — педагогических училищах и институтах, где они усваивают правила, являющиеся результатом большого опыта, обобщенного наукой.

Все это так. Но есть среди воспитателей одна фигура, которая в определенной эпохе возрастания человека решает успех его воспитания и которая, однако, не получает никакой подготовки к своей ответственной роли, нередко влекущей в одиночку приступать к исполнению сложнейших воспитательных обязанностей. Фигура эта — молодая мать.

Возьмем положение, когда в семье мать, отец, ребенок и, в лучшем случае, бабушка или няня, способная лишь вскорректировать ребенка, но не воспитать его.

И вот перед нами, скажем к примеру, двадцатилетняя мать. Вначале все идет хорошо. В детской консультации ей рассказывают, да и сама она могла при желании вычитать из различных брошюр, в которых у нас нет недостатка, какое у ребенка должно быть «придающее», какой ему требуется режим питания, сна, купания, прогулок. Воспитания в собственном смысле слова нет, а есть уход, и разумная молодая женщина справляется со своими обязанностями, но милыми сердцу обязанностями.

Но вот через шесть, примерно, недель ребенок впервые заблуждается. Кто из молодых родителей не испытал душевного ликования при первой улыбке ребенка! Она еще и не очень похожа на улыбку, эта гримаса, но попробуйте сказать матери в эту минуту, что это не улыбка! «Агу!» — пытается она снова вызвать улыбку ребенка. Приходит отец. И повторяет то же.

А через неделю ребенок уже начинает беспокойно вести себя в кроватке. Мать устала после рабочего дня, а ей надо постирать пеленки, бабушка возится с посудой, отца еще нет, а ребенок знает ничего не хочет. Молодая мать пока улыбается: «Смотри-ка, понимаешь! Стой возле него — молчит, а отойдешь — крик...»

Да, «понимает». Наступила пора воспитания, а мать об этом и не догадывается. Бабушка жалется пришедшей с работы матери: «Пока спит — кое-что поделаешь, а проснулся — не отходи». Мать беззаботно смеется: «А как же! Растем!».

К шести, примерно, месяцам у ребенка — новое проявление сознательности, новые радости родителей. Но вот, играя в «ладушки», ребенок нечаянно зацепил за нос матери. На секунду стих, будто удивился своему новому нечаянному жесту, а потом вдруг запытал, засакая на руках матери и потянувшись уже намеренно к ее носу. Потом захлопал ладошкой и по носу, и по щекам, и по подбородку, заглянув звонким смехом. И мать и все присутствующие хочут. Понравилось! И ребенку и всем окружающим. А через некоторое время бабушка жалется: «Нельзя на руки брать! Нацарапал все...». Мать улыбается: «Да ведь ребенок же! Подрастет — поумнеет».

А еще через год-полтора в квартиру выносятся разряженные соседка и вопит на весь дом: «Вот, полюбуйтесь, что натворил ваш предостный Мишенька! Чуть без пальца не оставил моего ребенка! Вцепился зубами намертво...».

Напомним слова Макаренки: «...Главные основы воспитания закладываются до пяти лет, и то, что вы сделали до пяти лет, — это 90% всего воспитательного процесса, а затем воспитание человека продолжается, обрабатываясь, а человек продолжает обрабатываться, но в общем вы затинаете вквашать его, а цветы, за которыми вы ухаживали, были до пяти лет».

Как это верно и как велика, следовательно, ответственность именно матери, так как известно, что дошкольное, по крайней мере, воспитание почти целиком лежит на ее плечах. Кто же виноват в том, что у одной матери ребенок кусается, у другой — говорит дерзости, у третьей — в пять годов не умеет шуршать на бутинке заезжать? Ведь все эти матери любят своих детей и желают, чтобы они росли настоящими людьми!

Дело в том, что девушку у нас готовят к роли работницы, мастера, инженера, геолога, агронома — к какой угодно роли, но няню не готовят ее в роли матери-воспитательницы. Ни в школах, ни в институтах она не слышит об этом ни слова. Школьник старших классов водит на экскурсии в МТС, на заводы, на электростанции, но никому не приходит в голову поведать их в ясли или детский сад. Они нигде не слышат вещей дошкольной воспитательницы о том, как надо дома воспитывать маленьких братьев и сестер, какой у дошколят нрав и как надо с ними обращаться.

Редко, чтобы в школах старшеклассники возмущались хотя бы с семилетками своей школы, интересовались их учебным миром, пытались сделать для них что-либо такое, что позволяло бы малышам видеть в них нечто от матери, а их самих приобщало бы к душе ребенка. Иная девушка, если она единственная в семье,

меру своих сил, умеющего содержать в порядке свои вещи и утратить носовым платком нос, подготовленного к тому, чтобы понимать, почему важно соблюдать не только свои интересы, но и интересы товарища, сидящего рядом на парте, и так далее и тому подобное, доступное семилетному возрасту. То есть, дайте нам возможность продолжать воспитание в объеме задач, поставленных государством перед школой, а не извлекать на нас и задачу переноситания, выпрямления «кривобоких». И в дальнейшем не забывайте: в школе ребенок находится четыре часа, а на родительском собрании — двадцать».

Когда правого трудно отличить от виноватого — значит виноваты оба. Но в данный момент мы говорим об ответственности родителей. Факт значительного роста детской беззаботности остается фактом, если под надзором разуметь не простое приглядывание за тем, чтобы ребенок не упал в канаву, а именно воспитание в подлинном смысле слова.

Этим, лень, ложь, обман, озвество, неяркость — корни всех этих и многих других нравственных выхождений, пред которыми мы иногда остаемся в недоумении, — откуда они у молодого человека нашего общества? Корни эти надо искать в домашнем воспитании, и особенно в период раннего детства. Если мать не имеет достаточно времени для воспитания ребенка, то менее она имеет возможности для перевоспитания, когда вывихи станут очевидными, ибо перевоспитание — дело во много раз более сложное.

Естественно, у читателя возникнет вопрос: почему это автор, говоря о матери, вовсе умалчивает о роли и ответственности отца? Ведь у нас равноправие! Да, у нас равноправие между мужчиной и женщиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни. Но у нас нет, да и быть не может равного распределения обязанностей по воспитанию детей между отцом и матерью, особенно детей дошкольного возраста. Вряд ли эту житейскую истину следует комментировать.

В нашем государстве существует много прекрасных законов, возвышающих мать, охраняющих ее здоровье, помогающих ей материально. И законы эти неукоснительно выполняются. Но можем ли мы сказать, что весь наш общественный и домашний быт пропитан уважением к матери? Возьмем семью. Разве не часты еще случаи, когда отец на глазах у ребенка уходит из дому, не попрощавшись с матерью, а возвратившись, не поздоровавшись с ней; когда отец говорит матери «подай» вместо «подай, пожалуйста», а получив просящее, берет молча, вместо того чтобы сказать «спасибо». Или когда отец, уткнувшись за обедом в газету, не обращает на мать никакого внимания, а в ответ на ее реплики мичит нечто нечленораздельное, когда отец палец не пошевелит, увидев через окно или в дверях мать, нагруженную продуктовой сумкой, вместо того чтобы вскопичить и встретить, зная, что она заходила в магазин по дороге, возвращаясь, как и он, с работы. Когда отец не приходит в голову утром поздравить с праздником прежде всего мать или вместе с детьми как-то отметить день ее рождения, когда на замечание ребенка, что «так сказала мама», отец небрежно бросает: «Мама ли что скажет твоя мама»...

О, как нередки еще подобные, пагубные для воспитания факты в семье! Мальчика в четыре-пять лет начинают импринировать «независимый», а по существу, грубый тон поведения отца, он сначала безраздельно подражает ему, а через год-два он и сам уже полуплывающий на то, что «сказала мама».

Мать — лицо священное, и оно должно быть окружено почетом в семье, прежде всего со стороны отца. В семейном коллективе слово матери — закон, авторитет ее незыблем. С матерью можно вести себя только уважительно, почтительно. Если она, как и всякий человек, ошиблась в чем-то, различая ей ее ошибку, но прелюбопытнее всего самой исправить ее, не подырая авторитета матери в глазах ребенка. Если ничего этого в семье нет, то не может быть и речи о правильном воспитании детей.

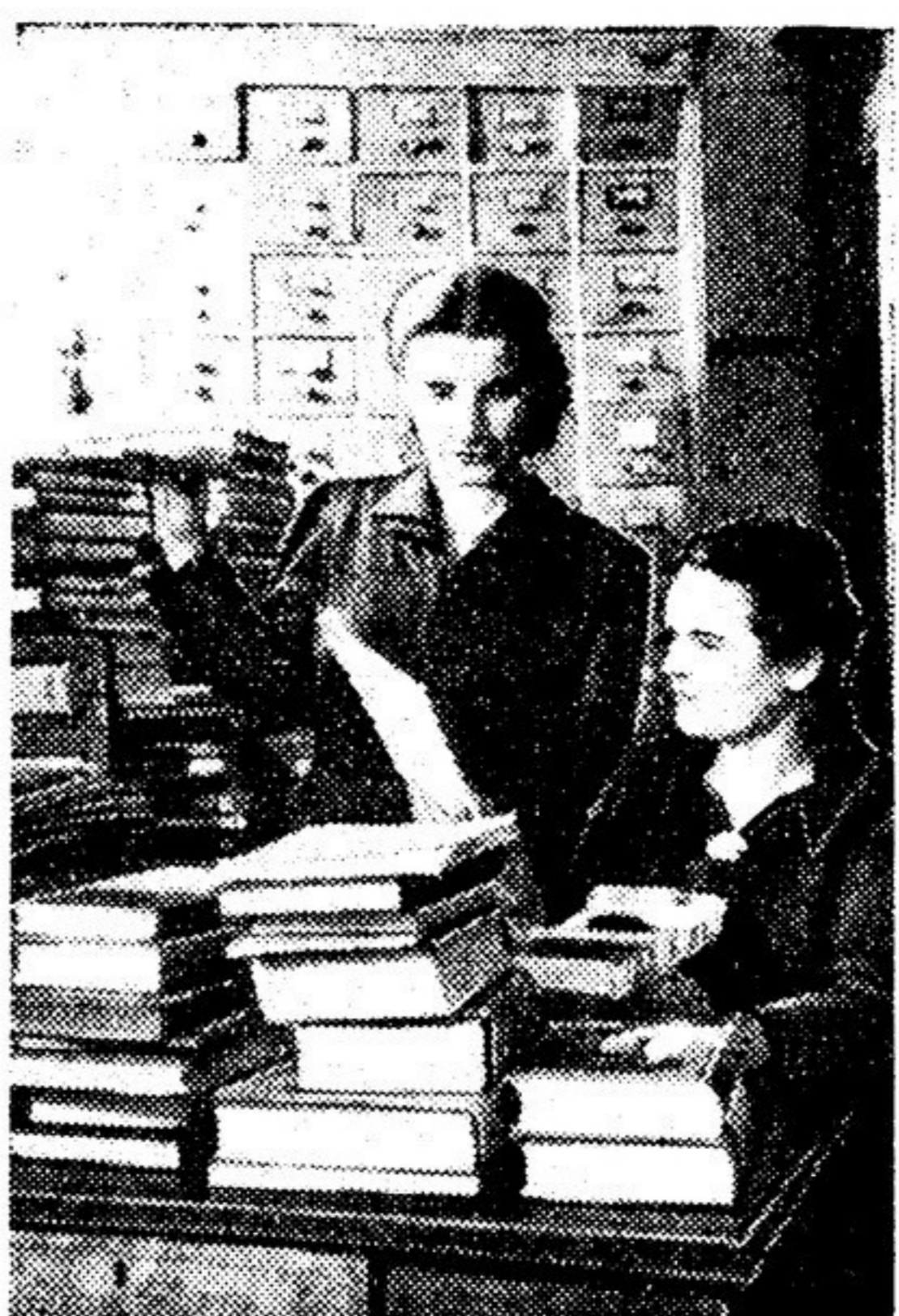
Уважение к матери в семье должно быть закреплено общественным уважением. Но, к сожалению, и тут мы нередко встречаемся с фактами, свидетельствующими и о непонимании роли матери-воспитательницы и о прямом неуважении к ее личности.

Мать обращается к начальнику по службе: «Мне хотелось бы самой проследить за режимом мальчика во время экзаменов и помочь ему. Не могли бы вы на это время послать к командировке кого-нибудь другого или отложить командировку на несколько дней?». И вдруг слышит холодное, равнодушное: «Вы, товарищ, — разгладный инструктор, у вас есть работа, я не могу послать никого другого»...

Мать! Самый верный, самый преданный и бескорыстный друг молодого поколения! Ей несет ребенок свои первые радости и первые огорчения, к ней обращается он в раннем детстве свои бесконечные «почему», «отчего», «зачем», от нее он воспринимает первые понятия о добре и зле, у нее прежде всего учиться любить труд и ненавидеть тушеводство. Повторяя за ней слова, впервые он запоминает ласки и стихи о Родине, раскрыв рот, слушает ее рассказы; от ее материнского тона загорается первыми мечтами о будущем.

Успешно решать дальнейшие вопросы коммунистического воспитания — это значит обогатить мать знаниями, предоставить ей большие возможности для выполнения ее священных обязанностей, еще выше поднять ее авторитет в семье и в обществе и окружить подлинно всеобщим уважением. Это, по нашему убеждению, очень важно для воспитания молодого поколения строителей коммунизма.

Хорошо известным читателям переводы Л. Мартыновым стихов поэтов народов нашей страны и стран народной демократии. В заключение приветствия Московская писательская организация желает поэту новых творческих успехов.

Научные учреждения Украины обмениваются книгами с 219 научными учреждениями со стороны Украины. Большое количество книг, журналов и газет поступает из-за границы Государственная публичная библиотека Академии наук УССР. На снимке: работники публичной библиотеки В. Кемпе и Н. Галаган разбирают партию литературы, полученную из Индии, Китая и Польши.

Фото И. Пал

Поэт и редактор

На собрание московской секции поэтов, посвященное взаимоотношениям поэта и редактора, пришли московские поэты, критики и, может быть, впервые за многие годы представители центральных издательств.

Вступительным словом С. Кирсанов привел ряд примеров идейно-творительного, бережного и внимательного редактирования и в то же время подробно остановился на существующих еще неверных взаимоотношениях поэта и редактора.

Прежде всего речь идет о неправильном понимании некоторыми редакторами своих функций. Нередко редактор предъявляет свои требования поэту с непреклонной категоричностью. Много вреда поэзии приносит вкусовщина, разноречие в оценках и взглядах разных редакторов на поэзию.

Прежде всего речь идет о неправильном понимании некоторыми редакторами своих функций. Нередко редактор предъявляет свои требования поэту с непреклонной категоричностью. Много вреда поэзии приносит вкусовщина, разноречие в оценках и взглядах разных редакторов на поэзию.

Докладчик формулирует задачи обсуждения: пусть наша работа развивается на основе товарищеского уважения к труду редактора, а редактор — правильно относится к труду, к личности поэта, к его замыслам и посылкам.

Выступившие в прения поэты рассказали о своем опыте работы с редактором. В. Казин поделился воспоминаниями о своей редакторской работе в журнале «Красная нота» в первые годы советской власти.

П. Железняк рассказал, как Горький редактировал его стихи. М. Луконин привел пример безграмотного и вульгарно-социологического редактирования некоторых сборников С. Наровчатова, ссылаясь на пример вульгарного редактирования его стихов Н. Тихоновым, а также А. Твардовским, говорил о том, какую помощь принесло его творчеству общение с этими поэтами.

В обсуждении приняли участие П. Антокольский, М. Максимов, М. Соболев и другие поэты. Выступили также и представители издательства. Б. Евгеньев, рассказав о принципах и практике редактирования стихов в издательстве «Советский писатель», говорил о том, что назрела необходимость создать при издательстве специальную редакцию поэзии.

В числе других предложенных было высказано желание помочь квалифицированным редакторам областным издательствам. Странно прозвучало то место в выступлении Л. Белова (Голстиздат), где он ратовал за мелочную опеку редактора над творчеством поэта, а также заявил, что взаимное «спортивное» автор и редактора благотворно.

Л. Ошанин, закрывая вечер, сказал, что поэты должны быть активными участниками и строителями жизни. Повышение уровня редактирования и требовательная борьба с уровнями поэтов за качество советской поэзии — вот залог успешных взаимоотношений поэта и редактора.

Из прошлого По следам Афанасия Никитина

На правах исследователя, не один год занимавшегося Афанасием Никитиным, я хочу рассказать о плодах некоторых исследований.

«Хожение» Никитина в Индию, во всякого сомнения, стало известным и на Руси и в Западной Европе именно в годы, предшествовавшие открытиям Колумба, Васко да Гама.

В ПРОШЛОМ году издательство «Ульяновская правда» выпустило в свет книгу А. Кузнецова «Макей и его хлопцы» — произведение многоплановое, объёмное, написанное

ОПЫТ РЕЦЕНЗИИ

Пепел твоего праха...

в трех частях, с обращением автора к читателю. Жанр своего произведения — роман это или повесть, литературный сценарий, историческое повествование или записки охотника — А. Кузнецов не определяет. В обращении автора к читателю сказано лишь, что в основу книги положены истинные факты. «События и люди, о которых идет в ней речь, — пишет А. Кузнецов, — были на самом деле».

С первой и до последней страницы книги с неослабевающим вниманием следим мы за действиями Макея и его хлопцев. Место действия — леса и долины Белоруссии, герои — отважные партизаны. Каждая строка произведения дышит суровым реализмом, как живые, перед глазами встают босые события.

«Однажды Макей зашел в деревню Вирково. Ракетница была при нем, чтобы на случай дать сигнал партизанам, оставшимся на лесной опушке. В Вирково неожиданно нагрянули гитлеровцы и поляки.

— Немцы! Дядя Макей, немцы! — закричала девочка. Макей выскочил из хаты и второпях в упор выстрелил из ракетницы в колонну гитлеровцев, торжественным шагом вступающих в деревню. Огненные искры зашлепали в снег. Вторая ракетка, высокая залетевшая в небо, рассыпалась там на множество красных искр. И, словно аплодируя, с опушки леса захопала ружейные выстрелы, а с фланга, с небольшой высоты, затрещал партизанский пулемет Дегтерева».

Так же смело и предпримчиво ведет себя Макей и в других боевых эпизодах книги. Впрочем, центральный персонаж предстает перед нами не только в оптимистических описаниях боев, пожаров и перестрелок, но и в горе, в глубоких философских раздумьях.

«На глазах у Макея блеснули слезы. Таким его еще никто не видел. То были слезы не только злости, гордыни ярости мщения, но и слезы сострадания...»

«Даже здесь, в партизанах, то есть в совершенных условиях, человек как зверюшка Макей и сохраняет те привычки, которые выработались у него в результате многолетней трудовой деятельности. Профессия — это своего рода облатка, в которой отливается психологический и моральный облик человека. «Но разве эта форма неизменна?» — спрашивал себя Макей, шагая к шалашу».

Надолого запоминаются и сподвижники Макея. Их портреты написаны сочной кистью.

«На козлах сидел Илья Иванович Свиридов. Русые усы его, гонимые ветром, серебристыми струями текли по щекам назад, и кончики их шевелились около розовых, поросших волосами ушей. Правый ус шевелился ухом и Свирид часто хватался за него, но не переставая удерживать...»

«Мишенью красиво гаркнул на высокого тонконогом кубане. Он упиливался взглядом. А ответственность за жизнь командиров заставляла его быть серьезным, задумчивым. И это очень шло к его молодому, но мужественному лицу, усеянному мелкими прыщиками, служившими предметом постоянных шуток Макея».

Хотя А. Кузнецов и назвал свою книгу «Макей и его хлопцы», он тем не менее немало места отводит описанию боевых подвигам партизан. В каждом из железных образов автор находит свою, характерную и неповторимую деталь.

«На опушке леса партизан встретил Иван Павлович, пыльная и красивая девушка. Пухлые губы ее приветливо улыбались, и вся она, со своей

неимоверно высокой грудью, была такой манящей и желанной, что лицо сурового командира сразу заулыбалось, в глазах зажегся добрый и лучистый свет».

«Последнее время Даша редко сидела в землянке. С наступлением весны она словно сбросила. Целыми вечерами где-то пропадала. И хотя узнавал Макей секретаря партбюро Ивана Пархомца, ему все же не нравилось его ухаживание за Дашей».

Показав таким образом роль женщины в отряде Макея, автор заключает устами комиссара Сырцова:

«Любовь и война, — думал он, — несомненно, Любовь ослабляет волю человека. Она — фактор, тормозящий совершение ратных подвигов».

Радует, что произведение А. Кузнецова богато такими афоризмами, многие из которых, бесспорно, станут крылатыми словами. Только недостаток места не позволяет нам привести добрую сотню афористичных изречений автора, Макея и его хлопцев. Ограничимся лишь несколькими:

«Смерть и война — две стороны одной и той же медали».

«Скорпион, умертвляющий себя, всего лишь только червь, отлапывающий дань все тому же природному инстинкту, лежачему, как и всякий инстинкт, все разуму. Тут вы можете привести и нашу пчелу, умирающую за других. Иное у человека».

«Любовь — это естественная потребность человека, значит, в любых условиях жизни, в том числе и партизанской, она неизбежна».

Нельзя пройти и мимо того, что автор удачно переработал и творчески обогатил ряд известных уже изречений, как то: «собака лает, ветер отгонит», «черная немочь», и наконец, до совершенства отточенное — «пепел твоего праха стучит в мое сердце».

Замысел А. Кузнецова нашел в его произведении и вполне законченное языковое оформление. Автор пишет легко и искристо. Сюжет уже исчерпан, отряд разбит, счастливо спасшийся Макей встает на пути авиационной сабботаже, но язык произведения живет сам по себе:

«Часовой, точно сова, вращает голову во все стороны».

«Отряд жил большой политической жизнью».

«Поддерживая свой престиж, разведчики безрассудно бросались в бой».

«Особенно плохо чувствовала себя ракевая нога» и т. д. и т. п., и т. д. и т. п.

Книга «Макей и его хлопцы» — первое произведение А. Кузнецова. Однако неверно было бы видеть в авторе начинающего писателя. Он — мастер зрелый и законченный, и именно это заставляет нас указать — хотя бы кратко — на отдельные недостатки рецензируемого издания.

Прежде всего удивляет весьма ограниченный тираж книги. 15 тысяч экземпляров, вышедших в прошлом году, уже давно разошлись, а спрос растет, — в особенности после того, как газета «Ульяновская правда» в статье Н. Малинина 14 июня с. г. высоко оценила это оригинальное повествование. Отгораживает свободное оформление книги: в ней нет иллюстраций, нет портрета автора А. Кузнецова. И здесь А. Кузнецов как старший редактор издательства проявил, на наш взгляд, излишнюю застенчивость. Скоромность, конечно, украшает. Но 439 страниц такой книги должны были бы заслуженно открываться портретом ее автора.

БЛАГОДАРНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ

Эстебан Эчеверриа — выдающийся поэт Аргентины

— Празднование в СССР годовщины со дня рождения Эчеверриа является данью уважения советских людей к памяти лучших представителей мировой культуры. Оно показывает, как на родине Пушкина и Маяковского ценили аргентинскую поэзию.

Эти слова произнес известный уругвайский писатель Хесусуэло Соса в Москве, на вечере, посвященном 100-летию со дня рождения выдающегося аргентинского поэта и просветителя Эстебана Эчеверриа.

Эчеверриа родился в 1805 году и прожил недолгую, полную тягот и лишений жизнь. Но никогда, даже в самые тяжелые минуты, он не переставал пламенно и нежно любить свою родину. Его свободу и независимость он воспеял в своих поэтических произведениях и в многочисленных трудах, посвященных жизни Аргентины.

Так воспом же воспом Свободу Родины любимой. Дела восславим тех времен. Когда оковы рабства пали И, сплны разговор, мы встали Под шелк прославленных знамен, —

писал он ко дню освобождения Аргентины. Вечер, состоявшийся 22 декабря в Малом зале Политехнического музея в Москве, был организован ВОКС, Институтом мировой литературы и Союзом писателей.

Открывая вечер, И. Анисимов замечательно многогранно творчество замечательного аргентинского писателя и общественного деятеля, чьи эстетические трактаты, статьи, поэмы служили делу развития национальной культуры. Ф. Кельвин говорил о времени, в которое жил и творил Э. Эчеверриа, о его глубоко национальных и самобытных произведениях.

О. Савич, Г. Белинский, Д. Перона читали на русском и испанском языках открытки из музея Эчеверриа.

На вечере присутствовали временный Поверенный в делах Аргентины в СССР А. Катчин, Чрезвычайный и Полномочный Посол Мексики в СССР А. Розенштейн Диас и сотрудники обоих посольств.

В заключение был показан цветной фильм, снятый советскими кинооператорами во время путешествия по Аргентине.

драгоценные «тетради» Афанасия Никитина, и в 1475 году они были включены в летопись В. Мамырев был первым исследователем «Хожения за три моря» и дал ему выход в широкий мир.

Впоследствии В. Мамырев погряз в могилах Троице-Сергиевой лавры. Чем объяснить такое поведение? Ведь именно в библиотеке этой лавры Н. Карамзин обнаружил «Троичский список» сочинения Афанасия Никитина. Не зашел ли Мамырев монастырь свой собственный, более древний, чем «Троичский», список «Хожения», не раскрасив до сих пор?

Надо настойчиво продолжать идти по следам Афанасия Никитина. Мы знаем далеко не все о подвиге этого сына русского народа, и только потому, что никто до сих пор не собрал воедино всех возможных свидетельств о нем, отложившихся в документах того времени. Где эти свидетельства? В бургундских летописях, золотородинских свитках, анналах истории Италии? Пусть исследователи взглянут в фойдаты венецианского летописца Марино Сануто-младшего. Возможно, там написано имя Афанасия Никитина, ибо Сануто, современник Колумба, собрал данные о Руси и странах Востока. Следует потребовать и старинные бумаги Киева времен литовского владычества, архивы древнего Кракова, Вильны, Трок и других городов. В частности, какую огромную помощь могли бы оказать нам наши друзья польские исследователи, историки старой Литвы! Дополнительные сведения об Афанасии Никитине надо искать и у нас в СССР.

Для нас бесспорно одно, что имя Афанасия Никитина, его дело включены в орбиту времени великих географических открытий.

Сергей МАРКОВ, действительный член Географического общества СССР

50-летие Л. Н. Мартынова

Исполнилось 50 лет поэту Леониду Николаевичу Мартынову. В приветствии Московской писательской организации отмечается его большое, самобытное дарование.

Литературная Газета

24 декабря 1955 г. № 153

Рассказывают редакторы журналов

Редакция «Знамя» как правило, живет на два-три месяца вперед...

Душа народа

Когда думаешь о творческом облике латышского Академического театра драмы, каким он предстал перед нами в дни декады...

Но особенно существенно то, что спектакль латышского театра — это спектакль, в котором объединены единая внутренняя тема, которую утверждает театр...

Спектакль «Земля зеленая», поставленный по авторской инсценировке романа Андрея Улиты, это этический рассказ о простых людях...

В Ванаве, каким его изображает Ян Осис, нет ничего от дурной социологии, от той примитивной, худой схемы, к которой иногда еще прибегают театры...

В спектакле множество бытовых подробностей, вещественных примет крестьянской жизни. Но это не мешает нам все время слышать главную тему — тему украденного счастья...

В постановке Театра драмы — это народная комедия, которая с песенной простотой и мудростью рассказывает о чувствах подлинных и непоборимых...

Но вот в финале спектакля прорывается и немая душа. В немая душа звучит тема безразличия, тема безразличия к судьбам тех, над кем стоит «шпили». В роскошный кабинет Целлиса приходит жена бухгалтера Шауне...

Да, в этом театре любят народ, знают его. Здесь не хотят принизить простого человека, здесь не хотят унизить талантливость и бесхитривость ума и души простого человека...

Классика и современность

35 лет за плечами Латвийского художественного театра имени Я. Райниса, и он — в поре расцвета. Неугасимый огонь, символ живого народного искусства — эмблема театра...

Не случайно «Вей, ветерок» — чудесное поэтическое произведение Я. Райниса — столько лет не сходит со сцены. В исполнении артистов Художественного театра оно звучит, как истинно народная драма...

Эта гуманистическая, глубоко оптимистическая тема еще громче, еще завершнее звучит в постановке «Ромео и Джульетта». Шекспировский спектакль радует нас не только театральным искусством, но и яркостью, эмоциональностью, силой и выразительностью...

В работе над классическими произведениями Художественный театр раскрывается как крупный, стоящий на уровне самых высоких требований талантливый коллектив, объединенный умелой режиссурой...

Сейчас в республике идет подготовка к декаде латышской литературы и искусства в Москве. Мы опубликуем литературные и творческие портреты ряда латышских писателей и деятелей искусства...

Потребно будет предоставлять место отделу юмора и сатиры, хронике, а также литературному календарю. Постараемся ознакомить своих читателей с рядом лучших произведений писателей союзных республик и зарубежных стран...

Юстина — наиболее удачный, целостный образ пьесы. И в колебаниях, сомнениях этой женщины, многие годы из-за детей не находящей в себе силы расстаться с мужем, давно уже ставшим для нее тужим, и в той решительности, с какой она действует...

Конст. ФЕДИН

верю, что этого захотелось героине. Вы сами придумали (вместе с множеством наших писателей) сюжет для этой барыни...

Чтобы избежать натянутости в отношениях, поступках героев, надо идти следом за героями, а не вести, не тащить их за руки, принуждая разыгрывать сюжет и фабулу...

Разумеется, сюжет вполне закономерно строится на анекдоте. Но также разумеется, что анекдот не исчерпывает сюжета, повесть не кончается тем, что кончатся, развивая анекдот...

Основной трудностью для Вас был разрыв между замыслом и средствами изображения. Наверняка Ваши похвалы, главный образ, потому что весьма педагогичны: Вы хотите написать книгу примера...

Наблюдение или изучение жизни художником состоит в познании развития действительности. Развитие действительности представляет собой движение. Это движение неравномерно и таит в себе внутренне противоречия...

Здесь заключается самая основа работы художника — в отборе явлений, и уже здесь, на первых шагах работы, включается в нее творческое воображение писателя. Явление доминирующие явления времени выражены психическим миром человека...

Вслушайтесь, как и что Ваш герой говорит. Он, видите ли, именуется себя «антиромантиком былой жизни»; считает, несмотря на весь свой распыленный демократизм, что занятие макиавелизма или опифантизма дает основание называть их «девушками»...

Задача фантазии художника состоит в том, чтобы идти следом за таким развитием образа, которое логично. Это значит, что фантазия не должна отрываться от образа жизни, не должна превращать образ в фантазматический...

Фантазия не исключает логики. Больше того — она тем более безгранична, чем более проникает логики. Путешествие на Марс нельзя описать без научных предисловий, реальных, установленных опытом...

Нет, я не верю в правду этого характера, как хотите! Провинция страдала бедностью к завитушкам «образовательной» речи, но ведь Ваш герой всем своим образом (по Вашей мысли) должен оспаривать, опровергать наличие былых болезней у себя...

В романе нет никаких внутренних трудностей борьбы советского человека против данного «предельно-большого» врага. Герой не встречает препятствий, горюча старомодно — это не мешает доброте...

В Вашей большой повести нет ни одного сколько-нибудь «отрицательного» лица; в разгар войны, в момент глобально критического мы видим если не «сверхчеловеческих», отличных во всех отношениях людей, то только хороших и славных во всяком случае...

Добровольческий полк, составленный из коммунистов и комсомольцев, готовых отдать жизнь за правое дело, естественно, должен быть явлением исключительным по моральным достоинствам. Но ведь действует не в пустоте...

И тут особенно ясно проглядывают недостатки замысла: нет нужной широты масштаба, нет связи коллектива полка с большим миром борьбы, с совокупностью исторических событий. Полк рассмотрен в замкнутых своих границах...

Характеры Ваших героев просто удивительно видны, — это хорошее мастерство, выступающее, как я предполагаю, из тонкого и длительного наблюдения... Я оцениваю характеры по их яркости и пластичности, по тому, насколько они живы и убеждают в своей жизни читателя...

Отрывки из литературных бесед Константина Федины, в которых он делится своим творческим опытом с молодыми прозаиками, обратившимися к нему за помощью и советом. Публикуются в связи с предстоящим Всесоюзным совещанием молодых литераторов.

Ваш герой в общем изображен хорошо. Но он подчеркнута положительный... в литературно-критическом, а не только в идейном и латвийском отношениях. Особенно чувствуется это в начале романа...

Вашей повести отсутствует конец. Вы не дали самого главного: встретиться мать и дочь после разлуки, увидеть оплошность, на которой строится движение сюжета...

В ближайшем времени мы надеемся получить новый роман Эм. Казакевича «Дом на площади» — о деятельности работников советской военной коммандуры в Германской Демократической Республике в послевоенные годы...

Среди произведений, которые мы ждем в 1956 году от писателей, связанных с журналом, следует назвать романы П. Далекского «Сорок лет спустя (о разгроме Квантунской армии осенью 1945 года)» и В. Берце «Вышли мы все из народа»...

«Знамя» будет стремиться отобразить многообразные стороны жизни советских людей, продолжить в то же время традицию военно-патристической темы в журнале. Наряду с романами и повестями, редакция намерена опубликовать и несколько произведений документальной прозы...

В течение будущего года мы опубликуем в числе поэтических произведений историко-революционную поэму В. Инбер и новую поэму С. Наровчатова. Решения предстоящего XX съезда КПСС, всенародная борьба за успешную реализацию плана шестой пятилетки...

Уже теперь мы обозначили планы не только на предстоящий, но и на 1957 год, который будет годом сорокалетия Советской Армии. Мы рассчитываем получить у К. Симонова вторую книгу его романа «Товарищи по оружию»...

Мы хотим укоротить картины развешивания событий, экспозицию, завязку и дать в изображении, в картинах торжество советского, справедливого мира над его врагами. Тогда все станет на место...

В романе нет никаких внутренних трудностей борьбы советского человека против данного «предельно-большого» врага. Герой не встречает препятствий, горюча старомодно — это не мешает доброте...

Тут и достоинство и недостатки вещи в целом. Достоинство потому, что интерес повествования не пострадал от отсутствия злодея. Это роман о юных людях. Недостаток потому, что это единственная условность: лица в мире героев отсутствуют противоречия...

В романе нет никаких внутренних трудностей борьбы советского человека против данного «предельно-большого» врага. Герой не встречает препятствий, горюча старомодно — это не мешает доброте...

В Вашей большой повести нет ни одного сколько-нибудь «отрицательного» лица; в разгар войны, в момент глобально критического мы видим если не «сверхчеловеческих», отличных во всех отношениях людей, то только хороших и славных во всяком случае...

Добровольческий полк, составленный из коммунистов и комсомольцев, готовых отдать жизнь за правое дело, естественно, должен быть явлением исключительным по моральным достоинствам. Но ведь действует не в пустоте...

И тут особенно ясно проглядывают недостатки замысла: нет нужной широты масштаба, нет связи коллектива полка с большим миром борьбы, с совокупностью исторических событий. Полк рассмотрен в замкнутых своих границах...

Характеры Ваших героев просто удивительно видны, — это хорошее мастерство, выступающее, как я предполагаю, из тонкого и длительного наблюдения... Я оцениваю характеры по их яркости и пластичности, по тому, насколько они живы и убеждают в своей жизни читателя...

Отрывки из литературных бесед Константина Федины, в которых он делится своим творческим опытом с молодыми прозаиками, обратившимися к нему за помощью и советом. Публикуются в связи с предстоящим Всесоюзным совещанием молодых литераторов.

Ваш герой в общем изображен хорошо. Но он подчеркнута положительный... в литературно-критическом, а не только в идейном и латвийском отношениях. Особенно чувствуется это в начале романа...

Вашей повести отсутствует конец. Вы не дали самого главного: встретиться мать и дочь после разлуки, увидеть оплошность, на которой строится движение сюжета...

В ближайшем времени мы надеемся получить новый роман Эм. Казакевича «Дом на площади» — о деятельности работников советской военной коммандуры в Германской Демократической Республике в послевоенные годы...

Среди произведений, которые мы ждем в 1956 году от писателей, связанных с журналом, следует назвать романы П. Далекского «Сорок лет спустя (о разгроме Квантунской армии осенью 1945 года)» и В. Берце «Вышли мы все из народа»...

«Знамя» будет стремиться отобразить многообразные стороны жизни советских людей, продолжить в то же время традицию военно-патристической темы в журнале. Наряду с романами и повестями, редакция намерена опубликовать и несколько произведений документальной прозы...

В течение будущего года мы опубликуем в числе поэтических произведений историко-революционную поэму В. Инбер и новую поэму С. Наровчатова. Решения предстоящего XX съезда КПСС, всенародная борьба за успешную реализацию плана шестой пятилетки...

Уже теперь мы обозначили планы не только на предстоящий, но и на 1957 год, который будет годом сорокалетия Советской Армии. Мы рассчитываем получить у К. Симонова вторую книгу его романа «Товарищи по оружию»...

Мы хотим укоротить картины развешивания событий, экспозицию, завязку и дать в изображении, в картинах торжество советского, справедливого мира над его врагами. Тогда все станет на место...

В романе нет никаких внутренних трудностей борьбы советского человека против данного «предельно-большого» врага. Герой не встречает препятствий, горюча старомодно — это не мешает доброте...

Тут и достоинство и недостатки вещи в целом. Достоинство потому, что интерес повествования не пострадал от отсутствия злодея. Это роман о юных людях. Недостаток потому, что это единственная условность: лица в мире героев отсутствуют противоречия...

В романе нет никаких внутренних трудностей борьбы советского человека против данного «предельно-большого» врага. Герой не встречает препятствий, горюча старомодно — это не мешает доброте...

В Вашей большой повести нет ни одного сколько-нибудь «отрицательного» лица; в разгар войны, в момент глобально критического мы видим если не «сверхчеловеческих», отличных во всех отношениях людей, то только хороших и славных во всяком случае...

Добровольческий полк, составленный из коммунистов и комсомольцев, готовых отдать жизнь за правое дело, естественно, должен быть явлением исключительным по моральным достоинствам. Но ведь действует не в пустоте...

И тут особенно ясно проглядывают недостатки замысла: нет нужной широты масштаба, нет связи коллектива полка с большим миром борьбы, с совокупностью исторических событий. Полк рассмотрен в замкнутых своих границах...

Характеры Ваших героев просто удивительно видны, — это хорошее мастерство, выступающее, как я предполагаю, из тонкого и длительного наблюдения... Я оцениваю характеры по их яркости и пластичности, по тому, насколько они живы и убеждают в своей жизни читателя...

Отрывки из литературных бесед Константина Федины, в которых он делится своим творческим опытом с молодыми прозаиками, обратившимися к нему за помощью и советом. Публикуются в связи с предстоящим Всесоюзным совещанием молодых литераторов.

Отрывки из литературных бесед Константина Федины, в которых он делится своим творческим опытом с молодыми прозаиками, обратившимися к нему за помощью и советом. Публикуются в связи с предстоящим Всесоюзным совещанием молодых литераторов.

В. ЛЕВИТНА

ПЕСНЯ

Акико Саки — лауреату междуна-родной Сталинской премии «За укрепление мира между народами», основательнице движения «Пожие голоса Японии».

Акико Саки

Быстрее солнца, быстрее птиц, земля пройди до конца, песня не знает ни виз, ни границ, песня входит в сердца. Обеднина, как людей, слова и голосов переливы, песня шагает по островам, вперевырыва проливов. Колыхается рис, серебрятся сени, цветут вишневые саженцы... Здесь люди есть! Здесь можно присесть. И песня к людям подскакивает: — Черны твои старые руки, земляк. — Да, песня, руки черны... — Длинные твои черные ножи, рыбак. — Да, песня, ножи длинные... — Но надо пахать кургузый плочок, и в море ходить по ночам, и надо катить сдвигать плечом, и надо качать вытуч... — Да, песня, надо, злая судьба... — Не слушай меня, земляк. Я — только песня. Но я не раба, и у меня есть враг. Он хочет, чтоб голос мой — в джакз охрип, чтоб был он утоплен в стакане, чтоб я позабыла про атомный гриб, взметнувшийся в океане... Земляк! Мой путь на твоем лежит. — Да, песня, мы вместе с тобой... — Одною судьбою мы будем жить. — Да, песня, одною судьбой...

Говорят, что бухта красива возле города Хиросимы. Говорят, что деревья красивые возле города Хиросимы. Говорят, нет людей красивей, чем рыбаки под Хиросимой. Но на склонах земли этой древней отпечатан тот страшный день, отпечатаны тени деревьев, отпечатаны тени людей. И хранит для потомков камень и хранит человечья память этой дьявольской лапы след. И прет и требует песня: — Люди! Третьей атомной бомбе — НЕ!

Тысячи километров с севера на юг. Стихают ветры — люди поют. Бывают слова, средь прочих слов, простые слова, как семья за столом. Слова о рисе, слова о хлебе, о красных губах и о синем небе. Слова о море, свободном для плавания, слова о горе, улыбка расправленном, слова, что душу пронзили и поняли, свежие, чистые, как трава... Поющие голоса Японии, поющие голоса Японии поют простые слова!

Всегда бодр и всегда жива, всегда молода и красива, объединяя людей, как слова, песня становится силой. Песней звучит архипелаг, звучит с песнею — вместе. Общай друг и общай враг у человека и песни! Общей надеждой, общою силой, общей судьбой — до конца! Песня требует мира — требуют мира сердца!

Леонид ЛИХОДЕЕВ

«Нью-Йорк таймс» жалуется...

События в Иордания, где народные массы решительно выступили против включения страны в агрессивный багдадский пакт, привлекли внимание газеты «Нью-Йорк таймс». Как и многие другие органы американской и английской печати, она не скрывает своего беспокойства в связи с этими событиями. Как же их расценивает «Нью-Йорк таймс»? По ее словам, мусульманские страны от Марокко до Афганистана стали жертвой временной болезни национализма, чем объясняются и массовые выступления в Иордания.

Но только ли в Иордания, только ли на «бурном Среднем Востоке», как пишет «Нью-Йорк таймс», народы протестуют против политики военных блоков? «Уолл-стрит джорнал» на днях буквально в следующих словах сообщил из Парижа о сессии НАТО: «Встревоженные врачи изыскивают тонизирующее средство, чтобы вложить жизнь в духовно уставшую организацию». Переходя от аллегорий к фактам, американский журнал отмечал, что «заинтересованность западноевропейских стран в НАТО уменьшается».

Стремление народов к миру и независимости «Нью-Йорк таймс» называет «болезнью национализма», но не значит ли это вальс с большой головой на здоровую? Как упорно ни пытаются в последние годы некоторые круги объявлять национальный суверенитет «перехитком прошлого», «устаревшим понятием», это им не удается. Бренит силы народов, борющихся за национальную независимость. И само время свидетельствует о том, что эта борьба — дело не временное!

И на Востоке и на Западе простые люди выступают против военных пактов — орудия империалистической политики. Парижская газета «Комба» пишет: «Катастрофические последствия парижских соглашений для нашей страны проявляются быстрее, чем это могли предполагать даже пессимисты». В Западной Германии миллионы немцев требуют отмены пакта о безопасности, которая преграждает путь к созданию единой и независимой Германии. И это происходит не потому, что, как заявляет «Нью-Йорк таймс», стремление к национальной независимости «возбуждается коммунистами». Народом дорог дух суверенитета, — вот в чем причина событий, которые смущают ревнителей военных блоков.

И потому американской газете приходится горько жаловаться: «Наше печальное заключение в том, что мы, на Западе, терпим от этой болезни, а коммунисты прибавляют». Ничего не попишешь!

А. М.

Сельская новь
Недалеко от города Димитрово, в долине реки Струма, находится село Беланица. Одинадцать лет назад здесь возникло кооперативное хозяйство. Это, пожалуй, старейший кооператив во всей Болгарии, и было особенно интересно познакомиться с ним.

Вместе со своим спутником, журналистом Славчо Васевым, мы заехали в правление, чтобы узнать, где председатель.

— Товарищ Райчо в поле, — объяснили нам. — Впервые в поле.

День выдался солнечный, теплый. На полях желтели жинивы и кукурузные ожинки. Оставалось убрать сахарную свеклу. Все члены кооператива, за исключением животноводов, трудились на копке свеклы, складывали ее в кучи.

Райчо Янев пошел нам навстречу. Ладно сбитый, неторопливый в движениях, он на ходу вытирал руки платком. И когда мы обменялись рукопожатием, я почувствовал натруженную, огрубевшую ладонь.

— Мы все взялись за свеклу, — сказал Янев, — она у нас, можно сказать, гостя. Впервые собрали.

— Работаете дружно? — Да, участок небольшой.

Янев пригласил нас осмотреть хозяйство, первым и бесшумным руководителем которого он является. Кооператив сравнительно невелик — пятьдесят дворов. Сеют пшеницу, кукурузу и ячмень.

Янев рассказывает: — Водопровод мы провели. Есть у нас электричество. Пора строить насосную станцию: поля должны получать воду в любое время.

Образование у Янева небольшое. Зато ему помогает здоровый крестьянский практицизм. Это чувствуется во всем.

За одинадцать лет кооператив возвел много хозяйственных построек. Каждый второй член кооператива обзавелся новым кирпичным домом. Что еще? Растут доходы крестьян, а это самое главное... Все жители села Беланица — члены кооператива. А вот в соседнем селе нет кооператива.

— Они упорные, — сказал Янев, смеясь, — хотят поглядеть, что у других получится. Между прочим, попростейший снот у нас покупают, да и хлебом нашим не брезгуют.

И я вспомнил немолодого уже крестьянина, с которым повстречался в окрестностях Димитрова на юге страны. Горбился, он шел за деревянным плугом (тобы не сказать сохой), сердито покаялся бывов. Звали его Александром, и к нему все обращались с приставкой: «бай Александр», подчеркивая уважение к солидному возрасту.

Не без интереса разглядывал я неуклюжий плуг. — Бай Александре, — сказал мой спутник, — вы знаете, когда изобретен такой плуг? — Не знаю.

— Пять тысяч лет назад в Египте. А может быть, и раньше.

Слушавший, заторопившись, бай Александр понимающе улыбнулся. Закурив сигаретку.

— А у нас земля такая, — сказал он, — только этим плугом и возьмешь ее.

Ему возражали: — На Кавказе, в Советском Союзе, тоже горы, но там пахут совсем другим плугом.

— Тот плуг, наверное, быки не потянут.

— А для чего же трактор? — Есть тут у нас и трактор и новые плуги, — сказал бай Александр. — Недалеко. В кооперативе. И комбайн, говорят, есть.

— Как это — говорят? Разве вы не видели?

— Нет, не видел. Времени не было. — Что еще говорят?

— Говорят, что у них урожай большой. Это потому, что удобрения из города привозят. Неудивительно! Но они, — тут бай Александр нехорошо усмехнулся.

Продолжение. Начало см. «Литературную газету» № 139 и 148.

БОЛГАРСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

Георгий ГУЛИА, специальный корреспондент «Литературной газеты»

...не смогли весь хлеб с поля вывезти. Долго мучились.

Бай Александр не согласился, что стальной плуг и трактор лучше деревянного плуга, и пожелал дальше за быками, словно не слыша шума моторов, доносившегося из кооперативного хозяйства, не желая замечать того нового, что неодолго идет по болгарской земле.

Возвратился, однако, в Беланицу. Янев познакомил нас со своей супругой. Она работает на ферме, награждена орденом. На фермах этого хозяйства до четырехсот овец, столько же птицы, шестьдесят коров, десятки свиней.

Подойшла обеденная пора. И мы увидели дом Янева — один из многих, построенных за последние время. Это однотажный особнячок из нескольких комнат, обставленных красивой мебелью.

Нас угощают обычной в Болгарии едой: салат из помидоров и печеного перца, суп из картофеля — борща от помидоров, баклажанная — кебюлу, кебабчета — рубленое мясо, изжаренное на углях. Пить предлагают ментовку — крепкий напиток, настоянный на мяте, пиво и суходольскую гызму.

Товарищ Славчо Васев врет за то, чтобы и Райчо удостоился такой же награды, что и Славка, жена Райчо.

— Это зависит от его стараний, — сказала Славка, смеясь. — Пусть построит дачные ясли — тогда, может быть, мы и похлопочем о нем.

Янев возражал жене. — А может быть, раньше помповую станцию построить, а затем уж ясли? — Так мы не договоримся, — сказала Славка.

За обедом Райчо рассказывал о том, как он ездил в Советский Союз, в колхозы Кубани и Украины.

— Я вернулся оттуда, словно помолодевший, хотя, как видите, я не очень стар. А главное — лучше понял, что и как делать, чтобы кооператив наш богател.

Голубые зозвирь
Зозвирь — порусски водохра и лише. Один из первых зозвирь, которые мне довелось увидеть, был имени Георгия Димитрова. Он расположен в семи километрах от Казанлики, в знаменитой Долине роз. Река Тунджа перегороджена плотинной дамбой в восьмидесяти сорок метров. Образовалось искусственное озеро емкостью в сто миллионов кубометров.

Воды зозвиря приводят в движение турбины двух гидротрестанций и орошают более сорока тысяч гектаров нацанлики и стара зозвирьских полей.

В селе Бузовград (это недалеко от Казанлики) мы на деле убедились в практическом значении зозвирьных вод. Местный кооператив «Васил Коларов» выращивает главным образом овощи, хотя в его хозяйстве немало место занимают также пшеница, кукуруза, сахарная свекла.

Оросительная система существовала в Бузовграде и до постройки водохранилища на Тундже. Но вода прежде обходилась кооперативу в семидесять тысяч леев в год, а теперь — всего в две тысячи. А ведь еще и электрический свет получили дешевле!

Председатель кооператива Тодор Тодоров — высокий, седой мужчина лет сорока — очень подробно рассказывал мне о хозяйственных работах крестьян. Надо увеличивать доходность — это очень важно как для членов кооператива, так и для тех, кто еще не состоит в нем, но ревниво следит за его развитием. (Половина села еще вне кооператива).

Друзья Тодорова добились повышения урожайности даже таких «искожно болгарских» багчевых культур, как перец, баклажаны, помидоры. Например, в этом году с одного гектара (в Болгарии земельные участки измеряются гектарами)

— одной десятой гектара) было получено до шести тысяч килограммов помидоров, что по местным условиям очень хорошо. Вообще, по всем культурам урожайности выше, чем в индивидуальных хозяйствах.

— В кооператив приходят все новые люди, — говорил Тодоров. — В год по два-три хозяйства. Это, может быть, и не так много, но зато уж верно.

Я видел зозвирь «Сталин», что недалеко от Софии, зозвирь «Александр Стамболийский» на севере Болгарии и «Студена», который питает водою город Димитрово. Голубые гектары разлились среди горных ущелий. Люди создавали их с любовью и прилежанием, хорошо зная живительную силу воды, веря в победу социализма, в правое дело народа. Сознание правоты своего дела движет мыслями строителей новой Болгарии.

Хочется отметить большой размах строительства в деревне. Многие села обновлены за последние годы почти полностью.

Если учесть, что сельские дома, как правило, каменные и под черепичной кровлей, можно представить себе, какова потребность в кирпичах. В то же время государственные кирпичные заводы заняты снабжением главным образом новостроек. Откуда же в таком случае берут крестьяне кирпичи? Делают сами.

Хорошо сказано в пословице: не боги горшки обжигают. В Болгарии очень часто можно встретить небольшие напольные печи. Они складываются из кирпича-сырца. Крестьянская семья приготавливает его в свободное от полевых работ время. Толщина в таких печах служит обычно солома, в некоторых случаях — каменный уголь. За несколько дней обжиг крестьянин получает 10, а то и 15 тысяч кирпичей. Есть печи и побольше. В зависимости от задуманной постройки можно выбрать ту или иную печь. Можно, очевидно, и с соседом сойтись — вместе обжигать кирпичи. Так, пожалуй, работа пойдет веселее.

Недалеко от города Стара-Загора мы остановились на обочине шоссе. Уже немолодой крестьянин разбирали оставший кирпич. Ему помогал сын.

— А выгодно самому обжигать кирпичи? — спросил я.

— Почему бы нет? — в свою очередь задал он мне вопрос.

— Может быть, проще на кирпичном заводе купить?

— Но он далеко. Кирпич придется возить. А у меня и глина и солома — под рукой.

Сын его оказался бойким малым. — Зачем смотреть в рот государства? — сказал он. — Разве у государства мало дел? Надо строить заводы, фабрики, надо железо добывать, свинец, цинк. А дом мы построим как-нибудь сами. Что вы скажете?

Я ответил, что в его словах много правды.

Молодой человек продолжал: — Наше село в течение пяти лет отстроилось почти заново. Значит, на нас должен был работать целый кирпичный завод. А кирпич — немудреная штука.

Как мне хотелось в этот момент, чтобы при разговоре присутствовали некоторые наши товарищи из райпланов, которые порой и глину, а не только кирпичи, норовят у государства получить вместо того, чтобы самим подумать, проявить инициативу...

«Эвримен опера» в Ленинграде

Позавчера утром в Ленинград прибыла на гастроли американская труппа «Эвримен опера». На Московском вокзале американских актеров встречали представители общественности города.

...Поезд подходит к платформе, замедляет ход, и на перроне появляются радостные, возбужденные, улыбающиеся американские артисты. Большинство из них негры, несмотря на мороз, многие без головных уборов, и снег медленно оседает на их черных выходящих волосах.

Труппа «Эвримен» далеко не первый раз выезжает на гастроли. (В Ленинград она пришла из Берлина.) И поскольку артистам больше приходится бывать за рубежом США, чем дома, видимо, стремятся всюду устроиться так, чтобы не чувствовать себя слишком далеко от родины. Некоторые приехали с детьми. Дети терзаются в толпе встречающих на перроне, родители приходят разрысывать их.

— Где мой ребенок? — громко спрашивает окружающий артист негр, по меньшей мере на полторы головы возвышающийся над толпой.

Впрочем, потом мы узнали, что комедо из младшего поколения тоже занят в спектакле — на детских ролях.

После приветствий гости садятся в автобусы и через весь Невский едут в гостиницу.

Вскоре после приезда труппы «Эвримен» корреспондент «Литературной газеты» посетил одного из ее руководителей и режиссеров спектакля «Порги и Бесс» Роберта Брина. Вместе с Б. Дэвисом он явился одним из создателей труппы «Эвримен опера», что означает в переводе «опера для всех». Охотно согласившись ответить на интересующие нас вопросы, Роберт Брин рассказал:

— Наша труппа еще очень молодая, она была создана в апреле 1952 года, ей, следовательно, нет еще и четырех лет. В составе труппы более восьмидесяти человек. Для того, чтобы отобрать нужных людей, нам с Б. Дэвисом в свое время пришлось много поехать по стране, прослушать более полутора тысяч человек. Еще и сейчас, приезжая в Америку, мы проводим там прослушивание и пополняем наш коллектив. Большинство из наших артистов имеет законченное музыкальное образование. Одни являются выпускниками консерваторий, другие — музыкальных факультетов университетов. Некоторые закончили несколько высших учебных заведений. Недавно мы подсчитали, что дипломов в труппе больше, чем артистов.

Первое выступление труппы «Эвримен» состоялось в июне 1952 года в Америке, в штате Техас, и уже в том же году мы выехали за границу. С тех пор нам довелось побывать во многих странах мира. Мы выступали в Италии, на сцене знаменитого миланского театра «Ла Скала», в Югославии, Египте, Греции, Израиле, Испании, Швейцарии, Франции, Голландии, странах Латинской Америки.

Наша поездка в СССР имеет большое значение. Мы верим в дружеское общение и взаимопонимание между народами и стремимся к нему. Укрепление дружеских связей между нашими народами особенно важно. Наш народ хочет расширения этих связей, одно из доказательств этого — прием деятелей советской культуры и искусства в США. Мне не довелось слышать, чтобы кто-либо встречали столь восторженно, с таким энтузиазмом и дружелюбием, как Гильельмо и Ойстрах в Америке. Их гастроли — своего рода событие в истории культурного общения наших народов. Это общение нельзя вести или запреть декретами и приказами, оно — требование народов, и нет сомнения в том, что оно будет расти. Дружеские связи между нашими народами могут привести к значительным практическим результатам.

Мы все еще только начинаем осваивать тепло и дружеское, с которыми нас здесь принимают. Мы полны благодарности за этот искренний и дружеский прием и считаем, что предстоящие гастроли в СССР — одно из самых интересных событий для труппы «Эвримен».

Ю. ГАВРИЛОВ

ЛЕНИНГРАД, 22 декабря. (По телефону)

США на пороге 1956 года

О. ПРУДКОВ

В календаре 1956 года американские газеты и журналы отнюдь не были заражены оптимизмом. Они писали о «красиве внешней политики» США, говорили о необходимости ее «пересмотра», о переходе к новой, более гибкой тактике. Те же мотивы звучат и сейчас, за несколько дней до начала 1956 года.

Наступающий год, однако, — год не обычный в политической жизни Америки. Это год очередных выборов, которые состоятся в ноябре. Понятно, что все вопросы, в том числе вопрос о внешнеполитическом курсе Соединенных Штатов, подготавливают особую остроту.

Подготовка к выборам уже началась. Всеобщее внимание сосредоточено на том, кто займет апартаменты Белого дома на следующие четыре года. В связи с этим в США рассказывают любопытный анекдот. В дни, когда кандидатом демократической партии на пост президента был Франклин Рузвельт, в Нью-Йорке на должность муниципального судьи баллотировались один новичок в политике. Никакой предвыборной кампании в пользу этого новичка не велось, и он в тревоге бросился к местному боссу демократической партии, который ему сказал: «Погодумай, ты когда-нибудь бывал на пристани чтобы посмотреть, как прибывает паром с Стейтн-Айленд? Когда он входит в док, он падает за собой все помой в мусор, не так ли? Переставь горевать. Твой паром — Франклин Рузвельт». Надежный «паром», или, другими словами, надежный кандидат в президенты, может привести с собой к успеху других членов партии — претендентов на посты сенатора, конгрессмена, губернатора...

Руководители демократической и республиканской партий заняты сейчас поисками «важного парнома». В республиканских кругах в течение всего года обсуждается проблема: согласится или не согласится президент Эйзенхауэр выдвинуть свою кандидатуру на второй срок.

Если Эйзенхауэр будет баллотироваться вторично, республиканцы постараются сыграть на его личной популярности. Иначе придется действовать в том случае, если опять победит другой «парном». Впрочем, этого «другого», который мог бы успешно заменить Эйзенхауэра, по единодушному мнению, в республиканской партии нет. В числе возможных кандидатов прессы называют нынешнего вице-президента Ричарда Никсона, председателя Верховного суда Эзра

Моррена, сенатора Ноуэлда, министра финансов Дамфриса.

Следует заметить, что в верхушке республиканской партии нет единства относительно будущей предвыборной платформе. Большинство партии и стоящие за ним круги «большого бизнеса» высказываются за более осторожный внешнеполитический курс.

Другая часть партии во главе с Ноуэлдом представляет наиболее агрессивное крыло правых кругов США. Ноуэлд считал себя печальную известность, как рыцарь сторонник «холодной войны». Он постоянно вопит о так называемом «особождении» стран народной демократии. А на днях Ноуэлд выступил с очередным провокационным заявлением, потребовав, чтобы любой кандидат на пост президента дал «обязательство» бороться против восстановления законных прав народного Китая в ООН.

На чем пытаются сыграть республиканцы? Они, несомненно, будут рекламировать нынешнее внутреннее положение США, отнюдь не высокий уровень производства, как свою особую заслугу. Монополии США заканчивают год с туго набитым карманом. 70 корпораций сообщили, что капитал каждой из них превышает 1 миллиард долларов, а их общий капитал превысил 201 миллиард долларов.

Однако не всех в Америке можно учить в правильности формулы «что хорошо для бизнеса — хорошо для народа». Позиции республиканской партии в этом смысле весьма шаткие. Для примера сослещем на доклад Общественной экономической комиссии конгресса, распространенный недавно агентством Ассошиэтед Пресс. В докладе говорится, что многие американцы сталкиваются с серьезными проблемами, вытекающими из низкого уровня дохода, и страдают от «хронической безработицы». В сентябре этого года в 23 из 145 районов США, представляющих основную рынок рабочей силы, а также в 94 менее крупных районах отмечался «естественный излишек рабочей силы». Резко падают доходы фермеров, которые не могут реализовать на внутреннем рынке свою продукцию. Ничего не сделано по части увеличения трудового законодательства.

Объектом критики, очевидно, будут действия великих комиссий по расследованию — Маккарти потерял свое бывшее влияние.

Нельзя не упомянуть и о внешней политике Честер Боуас писал недавно в газете «Нью-Йорк таймс» о внешней политике США: «Кризис, перед которым мы стоим, не будет жалеть». Для того чтобы отвлечь внимание общественности, республиканцы стремятся вывести внешнею политику из-под огня критики, ссылаясь на то, что она, мол, носит исключительно двухпартийный характер. Конечно, политика республиканцев и демократов похожа, как две капли воды, она отражает интересы определенных монополистических групп. Но рядовой избиратель будет презирать определенные требования к правящей партии. Поэтому республиканцы хотят изобразить себя «партией мира».

Они отнюдь не забыли, насколько притязательными на выборах 1952 года были лозунг мира и обещание покончить с войной в Корее. Они понимают, какую роль лозунг мира может сыграть сейчас.

Какова тактика демократов? Судя по всему, они не собираются особенно подчеркивать двухпартийный характер внешней политики США. Наоборот, подвергая резкой критике внешнею политику республиканцев, они напоминают, что в свое время так же действовали республиканцы, которые попадали на предшественника Даллеса — члена демократической партии Ачесона.

В целом предвыборная тактика демократов до какой-то степени строится с учетом протеста народа, его стремления к миру, к улучшению жизненных условий. Демократы уже теперь пытаются обвинить республиканцев в связи с «большим бизнесом», стараются сыграть на напущившем деле бывшего министра авиации Тэлботта, который был вынужден выйти в отставку, так как раскрылись его махинации с незаконными контрактами. Демократическая партия стремится использовать правую рукою демократов американских профсоюзов, которые на выборах обычно выступают в поддержку демократов.

Кто же возглавит наступление против «слонов»? «Слон» — эмблема республиканской партии). На чью долю выпадет эта миссия? Как сообщают печать, в качестве «парнома» могут выступить три политических деятеля: Эдлай Стівенсон, Аврелла Гарриман и Исте Кефвер.

До сих пор наиболее вероятным считается выдвижение Стівенсона. На днях был создан специальный комитет «За избрание Стівенсона президентом». В этот комитет входят в числе других виднейшие деятели — бывший министр авиации Филадельфер и Элеонора Рузвельт. Стівенсон был, как известно, кандидатом на пост президента от демократической партии в 1952 году. Все это время он неустанно стремился сохранить и укрепить свои позиции, объединить под своим руководством «умеренных» и правое крыло партии — видных либералов. Стівенсон, правда, не без оговорок одобрил «двух Женевы», написал, однако, главную статью демократов, которые будто бы в период их пребывания у власти положили начало этому политическому курсу. Характерным для взглядов Стівенсона по вопросам внутренней политики является его недавнее выступление на страницах журнала «Форчун».

Статья Стівенсона называлась «Моя вера в демократический капитализм». Ее главная мысль: надо «сознать общие цели и обязанности американского бизнеса и правительства — этих двух краеугольных камней демократического капитализма». Таким образом, «демократический капитализм», по Стівенсону, это не что иное, как подчинение правительства интересам монополий.

Противники Стівенсона неустанно провозглашают мысль, что «везля выходит из ладни старта с лошаью, которая однажды проиграла». На прошлом съезде партии основном соперником Стівенсона был Исте Кефвер, который теперь снова вернул в бой. Кефвер слывет либералом, сделал себе карьеру на расследованиях причин преступности в США. Он, как видно, почитается опереться на «умеренных».

Третий претендент — Аврелла Гарриман, бывший министр и дипломат, а ныне губернатор штата Нью-Йорк. Этот пост приносит обычно большое влияние в демократической партии. С 1864 года, за исключением четырех демократических кандидатов в президенты, все были губернаторами штата Нью-Йорк или Нью-Джерси. Гарриман пользуется поддержкой бывшего президента США Трумэна.

Гарриман сейчас активно выступает по вопросам внешней политики, занимая, значит, относительно менее умеренную позицию, чем Стівенсон. Он не может не признать очевидных успехов миролюбивой советской политики. В то же время он критикует республиканцев за их неспособность помочь своим успехам. Гарриман объявляет «двух Женевы» победой коммунистов, вы-

сказывается против осуществления, признавая «не облагать бдительности». Выступление против Женевы могут, конечно, списать одобрение в монополистических кругах. Однако подобный негативный подход вряд ли понравится избирателям, одобрявшим «двух Женевы». В области внутренней политики Гарриман выступает с демократическими заявлениями о том, что республиканское правительство подчинило «контролю монополий». В устах миллионера Гарримана подобные утверждения более чем комичны.

Разногласия между двумя крупными партиями не следует переоценивать. В конце концов, Даллес лишь продолжал в своей основе ту же ачесоновскую политику. Американский журналист Роберт Аллен, автор ряда книг о политической жизни Вашингтона, образно назвал эту жизнь каруселью. Карусель крутится, «слон» сменяет «осла» («осел» — эмблема демократической партии), и наоборот, но мало что меняется, ибо, хотя в программах партий и имеются различия, — они несущественны. Идет борьба интересов той или иной группировки «большого бизнеса». Идет инстинктивная тактика, а не о стратегия.

«Осел» занимает несколько лучшую позицию для драки, нежели «слон», — таково почти единодушное мнение. В самом деле, при фактически двухпартийной системе, когда избиратель предоставляется возможность выбирать между черным и коричневым пуделем, он склонен взять ту собаку, которая ему меньше надоела. А республиканская партия принесла избирателю не мало разочарований. С 1953 года идет неуклонная тенденция понижения акций республиканской партии и повышения акций демократов. Если четыре года назад республиканцы обладали большинством в обеих палатах конгресса, то на промежуточных выборах в 1954 году они уступили это преимущество своим противникам. Большим ликованием встретили демократы благоприятные для них результаты выборов в местные органы власти, состоявшихся в ноябре этого года в ряде штатов.

Впрочем, впереди еще год, и время покажет, «паром» какой из двух ведущих партий — республиканской или демократической — войдет в гавань Белого дома.

Д. Н. Орлов

Советский театр понес тяжелую утрату. Скончался народный артист РСФСР, лауреат Сталинской премии Дмитрий Николаевич Орлов — один из выдающихся артистов нашей страны.

Более 35 лет своей жизни отдал Д. Н. Орлов советскому сценическому искусству. На сцене театра Революции Д. Н. Орлов создал блестящую галерею образов в пьесах советских драматургов. С именем Д. Н. Орлова неразрывно связана история создания таких спектаклей, как «Воздушный пирог» Б. Ромашова, «Полька» Д. Н. Орлова, «Мой друг Н. Погодин», «Человек с портфелем» А. Файко, «Ибелль эскадрой А. Корнейчука.

В 1944 году Д. Н. Орлов вступил в труппу МХАТ СССР имени М. Горького. За годы творческой деятельности в МХАТ Д. Н. Орлов создал ряд крупных сценических образов: Маняков — «Мертвые души», Жаков — «Офицер флота», Дергачев — «Последняя жертва», Лука — «На дне», Перчихин — «Мещане».

Д. Н. Орлов пользовался также большим признанием советского зрителя как актер кино. Он создал значительные и различные по своему характеру образы в таких кинофильмах, как «Ленин в 1918 году», «Александр Невский», «Сибиряки» и др. Широко популярен был Д. Н. Орлов и как замечательный мастер художественного чтеца.

Подлинная и глубокая народность, умение передать сложный внутренний мир человека, знание жизни и любовь к Родине, душевность и редкое обаяние отличали человеческого и артистический облик замечательного художника сцены Д. Н. Орлова.

Советское правительство высоко оценило заслуги Д. Н. Орлова в развитии театрального искусства, присвоив в развитии театрального искусства народного артиста РСФСР, отменив его мастерство Сталинской премией, наградив орденом Трудового Красного Знамени и «Знак Почета».